

ПАВЕЛ ПИРАИНГ

СОФИЯ

ИВАН III И СОФИЯ ПАЛЕОЛОГ
МУДРОСТЬ И ВЕРНОСТЬ
ИСТОРИЯ ЦАРСКОЙ ЛЮБВИ

Павел Осипович Пирлинг

София

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23135921
София: Центрполиграф; Москва; 2017
ISBN 978-5-227-06622-0

Аннотация

У Софии, дочери византийского деспота Фомы Палеолога, было несколько претендентов на ее руку. Но когда в 1467 году скончалась супруга Ивана III, папа Павел II предложил государю всея Руси взять в жены Софию. У папы были большие планы на Востоке. Этот брак оказался удачным, хотя и не безоблачным. Как бы там ни было, София Палеолог оказала огромное влияние на всю дальнейшую историю Руси.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Палеологи в Риме	10
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Павел Осипович Пирлинг

София

© «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

Предисловие

Несмотря на всю важность некоторых исторических вопросов, они подвержены бывают двум роковым случайностям: с одной стороны, как бы ни было значительно событие, оно с недостаточною полнотою отражается в памятниках прошлого, и, в свою очередь, эти редкие и драгоценные источники не привлекают в надлежащей степени внимания историков. Оттого могут пройти целые века, пока разъяснится дело и разрешатся сомнения. Предмет настоящего исследования служит тому поразительным примером.

Возникновение восточного вопроса, первые проблески минутного Возрождения в России связаны с браком московского государя с наследницей Византии. Его высокое значение было понято уже современниками. Венецианские дожи предугадали его возможные последствия. Рим, продолжавший еще быть центром социальной жизни, принимал в нем участие, и бессмертный Виссарион считал его за доброе предвещание для будущего. Однако из многочисленных римских летописцев этого времени только один Джакомо Маффеи деи Вольтерра сохранил нам рассказ, более или менее точный, о браке Зои Палеолог; другие же итальянские анналисты говорят о нем едва несколько слов, а большая часть хранит полное молчание. Та же скудость сведений в древлехранилищах, откуда можно было ждать откровений:

в архивах Ватикана, в базилике Святого Петра до сих пор ничего не было открыто. Один только том собрания Климента XI¹ содержал несколько замечаний о сношениях Сикста IV с Москвой. Но и этот последний свидетель прошлого сначала перешел в неаполитанский бурбонский музей, а затем исчез совершенно. Впрочем, несколько лучей света бросают архивы Италии и Германии. Я счастлив и горжусь тем, что первый указываю на них, несмотря на многочисленные пробы, которые дают себя тяжело чувствовать.

Удел Востока был не лучше. Кроме Франдзи и Ласкари-са, дающих ценные, хотя и скудные подробности, остальные византийские летописцы совершенно безмолвствуют.

Один грек, очевидец брака Зои, Феодор из Газы, поспешил послать описание этого торжества своему другу Франческо Филельфо. Благодарственный ответ последнего не в состоянии вознаградить почти несомненной отныне потери этого документа.

Русские летописи, и в особенности Никоновская, говоря о бракосочетании, простодушно описывают все подробности длинного путешествия, совершенного невестой, и сообщают обо всем том, что происходило в Москве. Рассказы эти сильно нуждаются в проверке, а проверка всегда будет недостаточной до тех пор, пока их нельзя будет сопоставить с версией другого происхождения.

При таком положении дела не естественно ли предполо-

---

¹ *Varia spectantia ad Moschoviam et Moschovitas collecta anno 1710.*

жить, что историки заменили скудость памятников и молчание источников тем более тщательным рассмотрением и тем более строгой критикой обрывочных сведений, дошедших до нас?

По правде сказать, этого нет или почти нет. Брак Зои Палеолог, главным образом – что и естественно, – занимал русских. Нет ни одного национального историка, который не упоминал бы о нем. Авторы более серьезные останавливаются на нем долго. И при всем том, – кто бы тому поверил? – хотя один и тот же предмет так часто трактовался столькими лицами, однако никто еще не пытался отнестись к нему сколько-нибудь критически. В начале XIX века Карамзин воспроизвел русских летописцев с обрывками текста Маффеи в том виде, как они приводятся у Райнальди. Не имея под рукой своего экземпляра *Annales*, сгоревшего во время пожара в Москве 1812 года, он прибавил к ним странные варианты. Те же факты и те же ошибки повторяются лучшими русскими историками в их трудах, вышедших недавно в свет. Нужно думать, что позднейшие исследователи сами не восходили до источников, а предпочли положиться с большою доверчивостью на знаменитого историографа.

Несколько лет тому назад ученый небосклон, казалось, должен был проясниться. Человек с большой компетенцией и тонкой эрудицией, Карл Гопф направил свои занятия и свои изыскания на Зою Палеолог, возбуждая, таким образом, к самым блестящим надеждам. Смерть помешала изда-

телю греко-римских хроник продолжить свой труд. Произвел ли он новое открытие? Погребены ли они в его портфелях? Какова будет судьба этих последних? – вот вопросы, на которые мы не имеем данных ответить.

Если у нас недостает этих сведений, очень желательных, то, по крайней мере, мы располагаем несколькими неизданными документами, при помощи которых можно отчасти переделать эту страницу истории и установить некоторые новые выводы.

Венецианские архивы послужили точкой отправления для наших изысканий. Мы смогли отождествить знаменитого Ивана Фрязина с Жаном Баттистой дела Вольпе и его племянника Антона с Антоном Джиларди. Исторгнутые из полумрака легенды, оба главных деятеля в устройстве брака Зои и татарского союза стали историческими личностями. Образ их действий раскрылся теперь, и о нем можно судить не наугад. Из Виченцы, где была их родина, мы получили любопытные сведения об их общественном положении, об их семьях, чем мы обязаны аббату Морсолину, оказавшему нам содействие своим блестящим образованием.

Государственные архивы Рима вывели на свет настоящее имя легата, посланного Сикстом IV в Москву: то был не кто иной, как епископ Аччии – Антон Бонумбре.

Вооружившись этими сведениями, мы последовали за византийской принцессой в ее путешествие из Рима в Москву через Италию и Германию. Витербо, Сиена, Болонья, Вичен-

ца, Нюрнберг, Любек – свидетели ее проезда – рассказали о празднествах, данных по этому случаю, и передали впечатления зрителей.

Главный интерес сосредоточивается около брака, заключенного, под покровительством пап, между православным государем Москвы и принцессой византийской, считавшейся католичкой, между Иваном III и Зоей Палеолог. Как увидим, Вольпе пустил в ход здесь все средства своего изобретательного ума и незастенчивой совести. Нам кажется, что это – новый достоверный факт, приобретенный историей.

Союз с дочерью цезарей, воспитанной в Риме, поставил русских в более частые соприкосновения с Европой и принудил их высказаться о восточном вопросе.

Мы набросали очерк первых дипломатических опытов этой державы, предназначенной играть столь важную роль в мире. События и время с тех пор сильно изменили международные отношения, но часто одно прошлое может объяснить неожиданности настоящего. Тщетна надежда узнать современную Россию, не восходя глубже в ее историю.

Глава 1. Палеологи в Риме

Виссарион во Флоренции. Иоанн VIII и Запад. Битва при Варне. Падение Константинополя. Проекты Крестового похода. Дома Палеологов в Риме. Глава святого Андрея Первозванного. Смерть Фомы. Его дети в Риме. Программа их воспитания, составленная Виссарионом. Ее латинский дух. Рука Зои предлагается королю кипрскому. Проект этот оставлен. Брак или помолвка Зои с итальянцем. Зоя возвращает свою свободу. Король кипрский слишком поздно берется опять за проект брака с нею. Переговоры с Москвой увенчались успехом

В то время как христианский мир соединился на Ферраро-Флорентийском соборе в 1438 и 1439 годах, наиболее замечательную роль играл там Виссарион. Красноречивый и ловкий, пламенный патриот и тонкий богослов, умеющий владеть людьми и пером, митрополит Никейский в высокой степени содействовал величественному делу, которое так метко называют «обручением Востока с Западом». Но булла Евгения IV, прочитанная Виссарионом по-гречески под сводами, воздвигнутыми Брунеллески, ограничивалась вопросами веры и догматами; роковой ход событий вызывал политические вопросы крайней важности. Из глубины Азии грозная сила вторглась на Балканский полуостров.

Уже печальные имена Коссово и Никополя стояли в военных летописях турок. Южные славяне частью стонали под игом неверных. Первая неудача под стенами Византии только воспламенила ярость свирепых завоевателей: ислам стоял на страже у Босфора и пожирал взором свою слабеющую добычу.

Император Иоанн VIII Палеолог чувствовал грозность опасности и, оспаривая условия религиозного мира с Римом, все-таки требовал от Запада помощи против турок. Можно ли было льстить себе надеждою на успех, не будучи опрометчивым?

Дух Крестовых походов мало одушевлял Европу в XV веке: Германия тратила силы в феодальных спорах и вверяла свою судьбу слабому Фридриху III; Франция Карла VII, занятая Столетней войной, не была Францией, полной энтузиазма, как при Людовике Святом. Венецианская синьория замкнулась в осторожном выжидании; Испания боролась с маврами. Тем не менее на голос папы Евгения под знамя святого Петра стекались воины всех народностей; несколько галер появилось в Средиземном море, кардинал Чезарини был послан проповедовать крест в Венгрию; балканские славяне горели воинственным жаром. Уже стали пробуждаться надежды на успех, как вдруг варнский погром лишил мужества самых храбрых. Николай V, меценат гуманистов, страстный друг литературы и искусств, перестраивавший Рим на свой счет и полагавший основание Ватиканской библиотеки, тем

не менее продолжал дело Евгения IV, возобновляя призыв государей к союзу против турок и расточая, в случае надобности, пособия из папской казны. Решительная минута в самом деле наступала: вблизи Галаты крепость Богаз-Кессен возвышалась как угроза и вызов. Раз международное право было дерзновенно попрано, нужно было взяться за оружие и принять неравную борьбу. Император Константин Драгез нашел в себе на краю пропасти и гордость Цезаря, и пыл героя. Ни его благородные речи, ни его отчаянное сопротивление не могли спасти Константинополя. Магомет II окружил город, дикая количественная сила восторжествовала над мужеством осажденных, Святая София была осквернена, имя Аллаха прозвучало под ее сводами. В течение трех дней город был предан огню и мечу и отдан на разграбление разнужданному войску.

С падением последнего оплота Византийской империи избыток бедствия налагал новые обязанности на народ, подвергшийся такому ужасному испытанию.

Страждущее отечество требовало быстрой помощи: решительный Крестовый поход против турок сделался предметом непрестанных забот Виссариона, глубоко преданного своей стране и неутомимого борца за унию с Римом. Участник тайных папских совещаний, кардинал Византийский развивал там средства пробудить Запад от его оцепенения и сделал популярным святое предприятие. На конгрессе в Мантуе он расточал свое красноречие и свое знание, что-

бы воздвигнуть новых Маккавеев на защиту Пелопоннеса; папский легат в Германии и потом в Венеции, имевший более удачи и лучше принятый в городе лагун, чем в Нюрнберге, Вормсе и Вене, он стал благодаря своим талантам и своей деятельности душой христианской конфедерации и апостолом возмездия. Смелость проектов не пугала его, лишь бы только возрожденная Греция осталась верна Флорентийскому акту. В кругу этих идей, преследуя постоянно одну и ту же цель, он содействовал сближению, богатому важными последствиями: мы разумеем брак Ивана III, великого князя Московского, с наследницей Палеологов, последним отпрыском последней византийской фамилии.

Чтобы разобраться в сцеплении событий, нужно вернуться к 1453 году. Когда знамя пророка было водружено на Босфоре, принцы Дмитрий и Фома, братья героя Константина, находились в Пелопоннесе. Но господство их там было не прочно: братоубийственная и кровавая борьба, алчность Магомета ускоряли роковую развязку. Вскоре Дмитрий, жертвуя своей честью, отдал дочь свою в гарем султану, чтобы получить ничтожное и позорное вознаграждение. Более гордый и лучше настроенный господарь морейский Фома, когда у него истощились средства и силы, предпочел позору страдание добровольного изгнания. Уже давно находился он в сношениях с Римом, Венецией и Флоренцией. За неимением помощи людьми и деньгами ему расточали по крайней мере сладкие речи. Да к тому же итальянские госуда-

ри, на которых все ближе надвигалась опасность, не нынче-завтра могли увидеть себя вынужденными взяться за оружие против турок. Оттого-то Фома рассудил отправиться в Италию. Оставив в Корцире, ныне Корфу, свою жену и детей, он отправился в Анкону 16 ноября 1460 года. Бывшая с ними драгоценная святыня обеспечила ему благосклонный прием в Риме: перед тем как покинуть Патры, он взял главу святого Андрея, почитаемого в этом городе. Лишь только весть об этом распространилась, западные государи наперебыв принялись оспаривать друг у друга честь владения святыми останками и делали господарю соблазнительные предложения, но он, уступая настояниям Пия II, предпочел Рим. Весь город отправился навстречу апостольской главе, которая с торжеством была положена в церкви Святого Петра 13 апреля 1462 года. Энтузиазм народа, сбежавшегося со всех сторон в громадном количестве, равнялся только блеску религиозного торжества; никогда еще, насколько запомнит людская память, не расточалось столько пышности. По этому случаю кардинал Виссарион, рядом с которым находился старый и немощный кардинал русский² Исидор, произнес красноречивое слово, показавшееся слишком длинным только образованному Энею Сильвию и заключавшееся горячим призывом к Крестовому походу. Такова должна была быть, по мысли папы, истинная цель этого внушительного торжества.

---

² Автор везде называет их под римским титулом.

Отблеск доброго настроения, вызванного этими празднествами, пал на господаря морейского. Рим всегда был убежищем для государей, лишенных короны; этот род гостеприимства входит в папские традиции. Фома был помещен на счет папы в Санто-Спирито в Сассии, обширном здании, расположенном в Леоновом квартале (Cite' Le'online) саксонского происхождения VIII века, содержащего церковь, школу и госпиталь. Ежемесячное содержание в 300 золотых экю было назначено принцу, лишенному всех средств к существованию; кардиналы прибавили еще 200; этого было достаточно, при некоторых маленьких других пособиях, для скромной жизни.

В знак благоволения, чтобы сделать Фоме менее горьким хлеб изгнания, папа дал ему золотую розу, которая дается ежегодно какому-нибудь государю за услуги церкви. Исключая этих материальных подробностей и нескольких заметок дипломатов, мы имеем только беглые намеки Виссариона насчет пребывания господаря в Риме. Несчастье сблизило этих двух сынов Востока: отселе кардинал будет другом и поверенным несчастного отца, заботившегося о судьбе нежно любимых детей. Испытания Фомы в Италии длились не долго: 12 мая 1465 года он мирно почил на руках верного Виссариона. Смертные останки принца были погребены в склепе Святого Петра. Его черты, замечательной красоты, были воспроизведены, по словам одного витебского летописца, по приказанию папы, в статуе святого Павла, предназначен-

ной украшать лестницу Ватикана³.

Дети господаря были лишены утешения отдать последнее целование своему отцу. Во время его кончины они подъезжали к Анконе. Фома Палеолог женился в 1430 году на принцессе Екатерине, дочери Чентурионе Захария II, которого он лишил престола, чтобы стать вместо него господарем в Морее. Четверо детей были плодом этого союза: Елена, старшая дочь, вышла замуж в 1446 году за короля сербского Лазаря II; после смерти своего мужа она в монастыре нашла убежище для своего печального вдовства. Трое других детей, высадившихся в Анконе, назывались: Андрей, Мануил и Зоя. Последняя, более известная в истории под именем Софии, займет нас главным образом. Относительно воспитания детей Фомы в Риме сведения сообщаются только одним источником: это письмо или, скорее, программа занятий и воспитания, составленная Виссарионом в 1465 году и сохраненная Франдзи, верным слугой Палеологов. Душа великого кардинала обнаруживается всецело в этом документе: бедный и темного происхождения, достигший высокого общественного положения своими заслугами и талантами, вынужденный жить на Западе, он узнал тяжким опытом способ обращения с латинами, цену денег и личного достоинства; всем этим юные принцы должны были воспользоваться. Прежде всего Виссарион отправил свое письмо не к ним прямо, по причине их еще слишком юного возраста, а к их

---

³ Pii II. Commentarii. P. 130, 192–202.

наставнику, имя которого осталось неизвестным и который имел у себя помощником доктора Критопула. В первых строках идет дело об их домашнем обиходе, рассчитанном так, чтобы окружить принцев известным блеском, не отягощая их бюджета. Из 300 экю, которые ежегодно будут даваться им казначейством, так же как ранее их отцу, 200 предназначаются для самих принцев на их одежду, лошадей и прислугу; из этой суммы должны делать сбережения на непредвиденный расход; остальными 100 экю нужно покрывать содержание скромного двора принцев. Виссарион упоминает одного медика, одного профессора греческого языка, одного профессора латинского языка, одного переводчика, одного или двух латинских священников. Вообще он советует сократить жалованье, чтобы увеличить персонал, но и здесь еще есть границы: римляне глядели косо на многочисленных приживальщиков, толпившихся вокруг Фомы, не должно впасть в то же излишество. Эти материальные подробности были необходимы в силу вещей, ибо принцы были доведены до нищеты, но Виссарион торопился подняться выше и очертить начало нравственного воспитания. Здесь речь кардинала становится крайне резка. «Знатность, – говорит он Палеологам, – не имеет цены без добродетелей, тем более что вы сироты, изгнанники, нищие; не забывайте этого и будьте всегда скромны, любезны и приветливы; занимайтесь серьезно учением, чтобы занять впоследствии положение, вам приличествующее». Оставался вопрос самый дели-

катный – о религии и об отношении к Риму. Досадное происшествие, о котором смутно говорится в письме, случилось, как кажется, в дороге: во время молитвы за папу принцы покинули церковь. Речь Виссариона принимает по этому поводу угрожающий тон: он называет подобный скандал недопустимым и, опираясь на волю их покойного отца, ставит им дилемму: или следовать его советам, или покинуть Запад. Если они хотят остаться между латинами, пускай живут как латины, пускай одеваются как латины, посещают латинскую церковь, преклоняют колена пред кардиналами и ведут себя смиренно и покорно пред папой, к которому они должны обратиться с маленькою речью во время первой аудиенции. Чтобы рассеять даже тень сомнения, кардинал возвращается еще раз к необходимости единения с латинами даже в литургии. «У вас будет все, – таково последнее его заключение, – если вы станете подражать латинам; в противном случае вы не получите ничего»⁴.

Эта речь не без основания может показаться удивительной в устах того, кто работал над соединением церквей на двойственной основе единства в вере и разности в обрядах, ибо таков был плодотворный принцип, принятый на Флорентийском соборе. Откуда же является теперь это странное пристрастие в пользу латинства? Настойчивость Виссариона можно объяснить только политической необходимостью:

---

⁴ Текст письма у Франдзи, Migne, Patrologie, CLVI, col. 991–998; см. также Ласкариса *ibid.* CLXI, col. 963.

для спасения Византийской империи нужно было решиться на высшую жертву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.